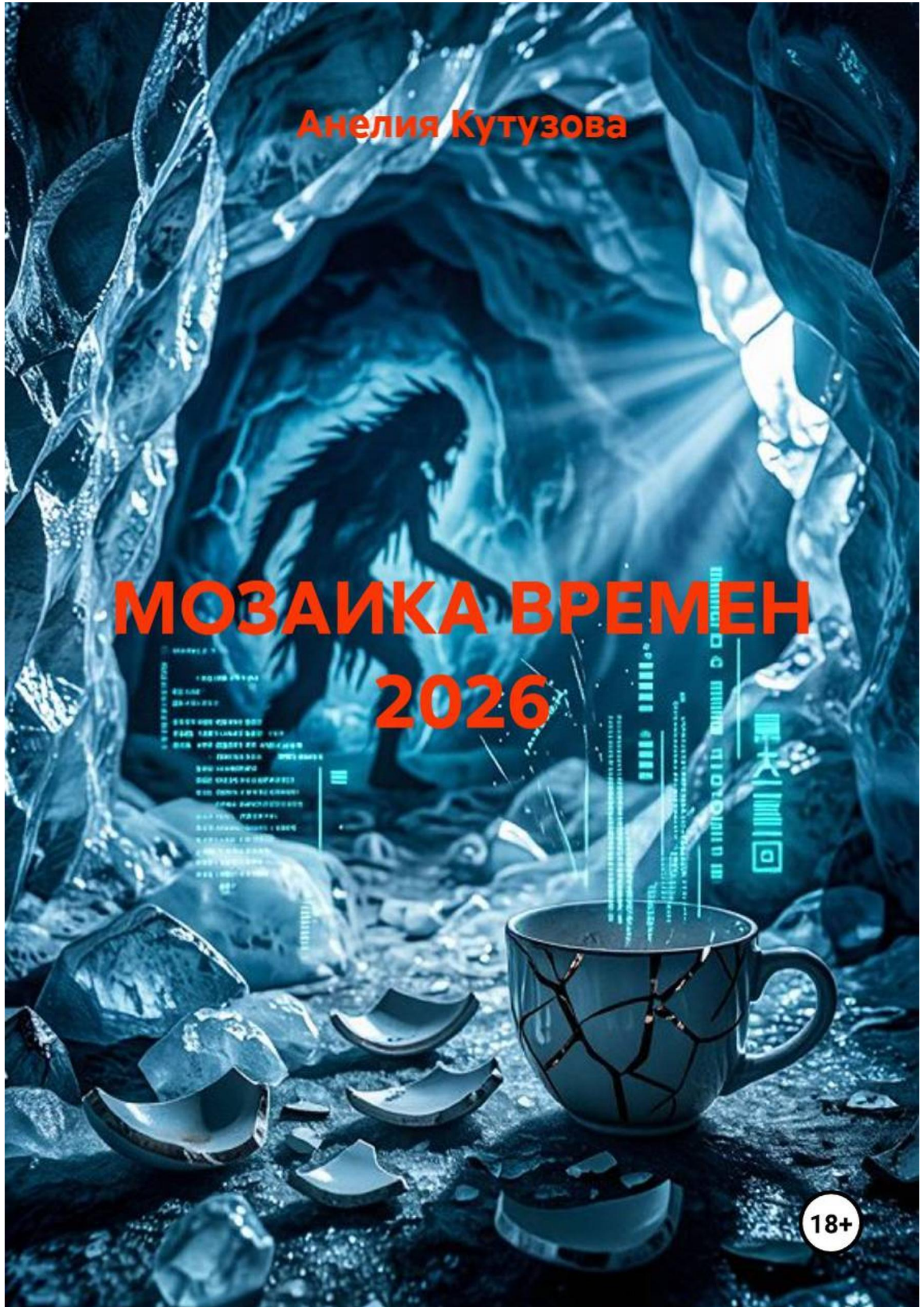

Анелия Кутузова

МОЗАИКА ВРЕМЕН
2026

18+

Анелия Кутузова

МОЗАИКА ВРЕМЕН
2026

18+

18+

Анелия Кутузова

МОЗАИКА ВРЕМЕН 2026

«Автор»

2026

Кутузова А. Ю.

МОЗАИКА ВРЕМЕН 2026 / А. Ю. Кутузова — «Автор», 2026

Что общего между первым рисунком на стене ледяной пещеры и разбитой чашкой, склеенной силой видеозвонка? В сборнике «Мозаика времён» Анелия Кутузова сталкивает эпохи: первобытный ужас перед ледником здесь соседствует с цифровым горем в мессенджерах, а демоны на набережной Оби — с перфоратором в панельном доме. Это истории о границах человеческого. О том, как крик женщины превращается в тишину, как бедность разъедает любовь в одной комнате, и как первый человек царапает кварцитом линию на камне, чтобы просто подтвердить: «Я есть». От «Зеркала Зверя» до «Грибной метафизики» — эта книга о том, как человек оставляет тёплый след на холодном камне бытия, чтобы холод не имел последнего слова.

© Кутузова А. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Грибная метафизика	5
Зеркало зверя	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Анелия Кутузова

МОЗАИКА ВРЕМЕН 2026

Грибная метафизика

Научная аллегория

Кухня Степана Генриховича плавилась. Аномальное сибирское тепло, которому в октябре полагалось давно уступить место первому дыханию Обского моря и заморозкам, застряло в панельных стенах Академгородка, превратив квартиру в парник. Воздух был густым, плотным, его можно было резать ножом — так пахнет пряная, влажная истома. Запеченный чеснок, терпкий дух укропа и этот ни с чем не сравнимый, аристократический аромат боровиков, только что извлеченных из корзины.

Степан Генрихович сидел на старом венском стуле у окна, сложив руки на коленях. Это была поза Будды, уставшего от созерцания собственного пупка, поза демиурга, у которого кончились идеи для новых миров. Он просто смотрел. Стул тихо поскрипывал, когда он чуть менял позу, и этот звук был ему знаком с юности — будто дом тихонько напоминал: ты всё ещё здесь. Колени ныли, но он не хотел подавать виду, не хотел вставать и тем самым признавать, что тело теперь требует паузы чаще, чем раньше.

Напротив, у заляпанного томатным соком стола, священнодействовала Клавдия. Клавдушка. Экономка, друг семьи, единственный человек, который умудрялся выживать в стерильном, пропитанном формулами быту профессора уже третий десяток лет. Она не резала грибы — она препарировала их. Маленький нож в ее пухлых пальцах двигался с точностью нейрохирурга: шляпка к шляпке, ножки — отдельно, в эмалированный таз. Лезвие ножа тонко звякало о край таза, и этот короткий металлический звук был для Степана почти родным, как тиканье старых часов. От Клавдушки пахло хозяйственным мылом и тёплым хлебом из булочной у метро — запах, который не менялся годами и оттого казался надёжнее любых формул.

— Вот сейчас все закрою, — приговаривала она, не глядя на профессора, ее голос был низким, уютным, как шерстяной платок. — Все частички грибные между собой подружатся. Им в банке тесно, Степа, у них вариантов нет драться. Прижмутся друг к дружке спинками. Смирение у них. Иначе банка взорвется.

Степан Генрихович моргнул. Солнечный блик, пробившись сквозь листву за окном, ударил в только что протертое стекло шкафа, рассыпался на тысячи радужных осколков и осел на седой щетине профессора. Свет был слишком ярким, почти режущим, и Степан невольно прищурился — глаза уже не справлялись с контрастами так, как в молодости, когда любой блик казался открытием. Он медленно перевел взгляд с окна на Клавдушку.

— Да... возможно... — протянул он, и звук собственного голоса показался ему чужим, словно кто-то включил старую пластинку на 33 оборота вместо 78. Голос прозвучал чуть хрипло, с лёгкой шероховатостью, будто слова цеплялись за пересохшее горло. Он провёл ладонью по лицу — кожа была тёплой, чуть шершавой, и это ощущение напомнило ему, что он всё ещё здесь, в этой кухне, в этом времени.

Его мысли были далеко. Там, где сейчас находилась Анна Александровна. Жена уехала в санаторий в Крым — «к воде, Степушка, мне нужно к воде, здесь кости сохнут». Она оставила после себя запах лаванды и абсолютную, звенящую пустоту. Дети давно разлетелись: старший — в Сколково, младшая — во Владивосток, внуки появлялись только в виде плоских, улыбающихся лиц на экране смартфона. Дом, который десятилетиями гудел от их топота, теперь

принадлежал только звукам: гудению холодильника, мерному дыханию старенького кота и вот этому — чавканью ножика по грибной плоти.

— Ты бы прилег, Генрихович, — не оборачиваясь, бросила Клавдушка, утрамбовывая рыжую грибную крошку в банку стертым деревянным пестиком. Пестик глухо постукивал по стеклу, и каждый удар отдавался в груди Степана странным, почти успокаивающим ритмом. — Глаза-то ввалились. Сидишь, как ворон на жердочке.

— Я в порядке, Клав, — отозвался он, хотя «в порядке» было последним словом, которым можно было описать состояние профессора в отставке, чей главный эксперимент — жизнь — подошел к стадии наблюдения за энтропией.

Он смотрел на ее руки. На то, как безжалостно, но без злобы она обрубает уродливые, поеденные слизнями ножки. Красивые, цельные шляпки — те, что пойдут на маринование, — она укладывала бережно, по ранжиру, заливая янтарным маслом. Они будут храниться отдельно. Эстетика требует изоляции. А вот крошево, рваные края, темные пятна — все то, что портит вид, — Клавдушка безжалостно смахивала в таз.

— Жалко выкидывать, — словно прочитав его мысли, вздохнула она. — Хороший гриб, белый, а вид помятый. Вот и будет нам икра вкуснящая.

Степан Генрихович сглотнул. В горле пересохло, несмотря на влажный, пряный воздух кухни. Он вдруг понял, что не дышал последние полминуты. Банка в руках Клавдушки, наполненная плотно спрессованной, перекрученной массой грибных «остатков», смотрела на него темным стеклянным глазом. Стекло было прохладным на вид, и Степану на секунду захотелось прикоснуться к нему, чтобы почувствовать эту холодную твердость, которая удерживала внутри всю эту влажную, теплую жизнь.

— Клав... — хрипло начал он, но осекся.

Она наконец выпрямилась, вытерла лоб тыльной стороной ладони и посмотрела на него поверх очков. На стеклах очков остались лёгкие разводы, и в них преломлялся свет, делая её взгляд чуть мягче.

— Чего, Степ?

Он не ответил. Медленно, со скрипом суставов, который в этой тишине прозвучал как выстрел, он поднялся со стула. Поза Будды разрушилась. Демиург вспомнил, что у него есть кабинет.

— Я... сейчас.

Он развернулся и пошел к двери. Не шаркая, как старик, а стремительно, как человек, у которого только что выбили почву из-под ног, чтобы тут же подставить под них гранитную плиту нового закона.

— Банки-то не пугай, — крикнула вслед Клавдушка, снова берясь за пестик. — Им и так тесно.

Дверь кухни закрылась, отсекая тепло и запахи. Степан Генрихович шагнул в коридор, и на него дохнуло прохладой. Холод был резким, почти колючим, и он на секунду замер, давая телу привыкнуть к смене температур. В этом холоде не было уюта — только ясность. Он почти бежал в свой кабинет, к холодному свету монитора. Банка взорвется, если частицы будут драться. Банка взорвется, если им станет тесно. Банка не взорвется, если они подружатся в своей тесноте. Смирение. Или физика. Он еще не решил, как это назвать, но ему срочно нужна была бумага. И ручка.

Кабинет ударил по рецепторам холодом.

Здесь не было жизни. Здесь была информация. Монитор заливал комнату мертвенно-бледным, ртутным светом, превращая седые волосы профессора в тусклое серебро.

Вместо запаха жизни — сложная смесь старой, желтеющей бумаги, сухой типографской пыли и едва уловимого, тревожного озона, который всегда выдает работающий на пределе

системный блок. Стопки распечаток, графики, корешки книг по теоретической физике — все это смотрело на него с немим укором нереализованных идей.

Он сел в своё рабочее кресло. Руки сами потянулись не к клавиатуре, а к стопке чистых листов бумаги и его рабочей авторучке. Мемуары подождут. Мемуары — это энтропия, смерть системы. Ему нужна была формула. Схема.

Пальцы, привыкшие к мелу и лазерной указке, мелко подрагивали. Он начал писать. Быстро, агрессивно, не заботясь о красоте почерка.

«Энтропия замкнутой системы, — застучало в висках в такт звуку авторучки. — Второй закон термодинамики. Клаузиус. Тепло не может самопроизвольно переходить от более холодного тела к более горячему. Хаос стремится к максимуму».

Он остановился. Посмотрел на свои каракули. Нет, не то. Слишком сухо. Слова Клавдушки, простые, пахнувшие чесноком, били его под дых своей первобытной точностью. Он снова склонился над бумагой.

«Банка — это социум. Замкнутая система. Объем V ограничен стеклом. Давление P растет».

Он обвел слово «социум» неровным овалом.

«Грибные "остатки". Ножки, крошка, темные пятна. Элементы с высокой хаотичностью импульсов. Они лишены вектора. Они не могут структурироваться в красивый, плотный белый гриб — в цельную личность с низким центром масс. У них нет стержня. При высокой плотности (теснота хрущевки, переполненная маршрутка, очередь в собес) их хаотичное броуновское движение — это мельтешение — становится неизбежным. Это не выбор. Это физика».

Здесь его рука замерла. Он вспомнил, как Клавдушка ссыпала эти рваные, поеденные слизнями ножки в таз. Она не пыталась вылепить из них новый белый гриб. Это было бы глупо. Из крошки никогда не вырастет аристократ с бархатной шляпкой. Из фарша не собрать обратно корову. Но Клавдушка знала другое: когда начинаешь складывать эти разные, случайные куски, результат всегда непредсказуем. Это больше не белый гриб. Это нечто третье. Субстанция, которая живет по своим законам. Цель проста — не дать погибнуть ценному ресурсу, продлить жизнь массе, но то, какой вкус она приобретет, решит сама. Жалко выбрасывать. Но и планировать здесь нечего. Икра всегда получается разной: то слишком острой, то пресной, то маслянистой. Это стихия, упакованная в стекло ради выживания.

Он хищно улыбнулся и продолжил писать, выводя буквы уже с новой, пугающей скоростью.

«Ручка скрипнула громче. Степан Генрихович почувствовал, как по спине, несмотря на озоновый холод кабинета, потекла капля пота. Он понял. Он нащупал то, что социологи пытались объяснить сложными терминами десятилетиями.

«Чтобы система не совершила работу по разрушению стенок... — он подчеркнул фразу жирной линией. — Иначе банка взорвется. Стекло не выдержит внутреннего давления. Что делают частицы газа при критической плотности? Они вынуждены сбрасывать избыточную кинетическую энергию вовне. Им нужен сток. Им нужен удар о стенку».

Он откинулся на спинку кресла, закрыв глаза. В темноте век плясали белые грибы и рыжая грибная крошка.

«Через шум. Через агрессию. Через тупые, плоские шутки, которые не требуют работы префронтальной коры. Они не злые. Злоба — это мораль, а мораль к молекулам неприменима. Они — газ. Идеальный, сжатый до предела газ в стеклянной колбе. И интеллигентная девушка с книгой в автобусе для них — не человек. Это вакуум. Пустота. И их базовый инстинкт, их термодинамический долг — заполнить эту пустоту собой, уравнять давление. Они сбрасывают энергию через нее. Они выносят ей мозг не потому, что хотят ее обидеть. Они просто расширяются, чтобы не взорваться».

Он резко открыл глаза и схватил ручку.

На листе, под формулами, начала рождаться схема. Куб, обозначенный как «Система (Общество)». Внутри — точки. Белые, крупные, соединенные жесткими связями — «Упорядоченные структуры (Интеллигенция)». И россыпь мелких, красных, мечущихся точек — «Хаотичные фракции (Остатки)». Стрелки от красных точек били во все стороны, упираясь в стенки куба. Надпись над стрелками: «Сброс энтропии (Шум)».

Он посмотрел на схему. Это было чудовищно. Это было красиво. Это было так просто, что хотелось рассмеяться.

— Газ, — вслух, хрипло сказал Степан Генрихович пустой комнате. — Они просто чертов газ.

И в этот момент он понял, что это только начало. Если они — газ, то какова природа того, кто держит банку в руках? Он посмотрел на свои руки, сжимающие свою рабочую ручку, и впервые за много лет почувствовал не тоску, а чистый, звенящий, ледяной ужас перед открывшейся ему механикой мироздания.

Спал он плохо. Сон был не черным, а графитовым — сплошь из формул, осей координат и плотно спрессованных грибных крошек, которые пульсировали, как больные сердцем.

Проснувшись на рассвете, Степан Генрихович не почувствовал ни усталости, ни старческой ломоты. Он чувствовал азарт. Чистейший, первобытный азарт естествоиспытателя, который вывел новую теорему и теперь жаждет полевого подтверждения.

Утро в Академгородке было обманчиво тихим. Пышные, тронутые первой изморозью кедры за окном его квартиры на Морском проспекте создавали иллюзию абсолютного порядка. Здесь жили белые грибы. Идеальные, цельные структуры, существующие в вакууме взаимного уважения и диссертаций. Но Степан знал: банку нельзя изучать, сидя внутри нее. Нужно выйти в город.

Контраст ударил по нему, как только он сошел с маршрутного такси на площади Калинина и пересел в городской автобус, идущий в сторону площади Маркса. Зеленый, убаюкивающий морок Академгородка остался позади. Городская суета пахла мокрым асфальтом, дешевым табаком и озоном от трамвайных проводов.

Он сел на высокое место у кабины водителя, сложил руки на набалдашнике трости и превратился в оптический прибор.

На остановке «пл. Свердлова» двери с шипением разъехались, и в салон ввалились они. Их было двое. Они не вошли — они именно ввалились, принеся с собой волну сжатого, раскаленного воздуха. Из чьего-то кармана, перекрывая гул мотора, ударил жесткий, рваный бит. Смех. Не человеческий, а механический — серия коротких, рваных выдохов без причины, просто реакция на движение диафрагмы. На одном была кожаная куртка, блестящая на швах, на другом — спортивный костюм, который, казалось, существовал отдельно от тела.

Они увидели ее мгновенно.

Девушка сидела через проход. Хрупкая, одетая в бежевое пальто. В руках — томик Цветаевой. Она пыталась быть незаметной, слиться с сиденьем, стать частью тишины. Но для «остатков» тишина — это не покой. Это вакуум. А природа, как доказал еще Аристотель, не терпит пустоты.

Степан Генрихович не чувствовал брезгливости. Он чувствовал восторг хирурга, наблюдающего за идеальным, предсказуемым разрезом. Он видел термодинамику в действии.

Один из парней, самый громкий, с лицом, лишенным всякого рельефа, качнулся и навис над девушкой.

— Слышь, мелкая, а чо это у тебя? — его палец ткнул в книгу. Фраза не требовала ответа. Она была чистой кинетической энергией. Девушка вздрогнула, но глаз не подняла. Она попыталась вжаться в сиденье еще сильнее.

— Чо, умная самая? — парень осклабился, демонстрируя металлическую коронку. — Шчас проверим, чо ты там читаешь.

Его дружок загоготал. Это был не юмор. Это был сброс энтропии. Они физически не могли находиться рядом с упорядоченной системой — книгой, тишиной, опущенными ресницами девушки — и не попытаться ее разрушить. Если бы они этого не сделали, внутреннее давление разорвало бы их изнутри, как перекрученный фарш в бракованной банке. Они должны были ударить о стенку. Стенкой была она.

Степан смотрел на это, и в его голове шелкали невидимые костяшки счетов. Передача импульса. Девушка — упорядоченная кристаллическая решетка. Они — броуновские частицы. При столкновении решетка либо поглощает энергию и нагревается (девушка заплачет, испугается), либо отдает ее обратно (начнет огрызаться). В обоих случаях структура разрушается, энтропия системы растет, равновесие достигнуто. Это не злонамеренность. Это закон. Закон выравнивания давления.

Он не вмешался. Он просто смотрел, и его лицо было таким же спокойным, как лицо Клавдушки над тазом с грибами. Автобус дернулся, останавливаясь. Парни, потеряв интерес к сдувшейся мишени, вывалились на улицу, унося с собой волну перегара и ритмичного шума. Двери закрылись. В салоне повисла звенящая, испуганная тишина. Девушка сидела, не шевелясь, глядя в одну точку. Автобус поехал дальше.

Второй эксперимент Степан поставил ближе к вечеру. Он не искал его специально — закон парных случаев сработал сам.

Стук. Не просто стук, а методичное, садистское вгрызание перфоратора в бетон. Десять часов вечера. Время, когда даже в шумном городе мозг начинает требовать отдыха. Степан Генрихович накинул пиджак прямо на домашнюю рубашку и вышел на лестничную клетку. Дверь напротив была приоткрыта, оттуда несло пылью, сырым бетоном и дешевым энергетиком.

— Молодой человек! — голос профессора был сух и точен, как выстрел стартового пистолета. — Будьте любезны. Закон о тишине. Двадцать два ноль-ноль.

В проеме появился силуэт. Не злой, не пьяный. Просто плотный. Сосед был в майке, на руках — мелкая цементная пыль, глаза пустые, как у свежевыловленной рыбы.

— Чо?

— Я прошу прекратить работы, — Степан старался держать тон в регистре «старший преподаватель отчитывает прогульщика». — У меня пожилая нервная система. Я работаю с формулами. Этот шум разрушает мою концентрацию.

Сосед моргнул. Его лицо не изменилось, но Степан увидел, как в пустых глазах мелькнуло что-то похожее на обработку данных. Процессор соседа пытался сопоставить слова «закон», «формулы», «концентрация». Процессор выдал ошибку 404.

— Дык я ремонт делаю, — наконец выдало устройство. Фраза была абсолютно самодостаточной. В его вселенной это был абсолютный, неоспоримый аргумент, закрывающий любой диалог.

— Я понимаю, что вы делаете ремонт, — терпеливо, как учитель арифметики, продолжил Степан. — Но закон запрещает шуметь после десяти. Я вызову полицию. И про себя подумал: «Абсолютный аргумент. Тезис, не требующий антитезиса. Как "Желаю, чтобы все!"»

Сосед сделал шаг вперед. Он не угрожал. Он просто сократил дистанцию, заполняя собой пространство лестничной клетки. От него пахло потом и «Охотой Крепкой».

— Слышь, дед, — сказал он. В этой фразе не было ни капли агрессии. Это была просто констатация плотности. — Шел бы ты... в свою квартиру.

Степан попытался зайти с другой стороны. Он решил применить логику.

— Если вы продолжите сейчас, вы испортите отношения со всем стояком. Вам потом здесь жить. Давайте по-человечески...

И тут он наткнулся на стену. Сосед открыл рот, и оттуда полились те самые «грибные ножи». Короткие, рубленые, бессмысленные синтаксические конструкции, которые не несли

информацию, а просто занимали объем. Желтые прокуренные резцы, запах дешевого энергетика и эта вязкая, непроницаемая тупость.

— Да чо ты гонишь. Мне работать надо. Все делают. Чо, самый умный? Чо те надо? Иди давай.

Степан вдруг с пронзительной ясностью осознал: сосед не спорит. Спор — это обмен тезисами. Здесь же обмена не было. Сосед просто излучал плотность. Он был тем самым сжатым газом в узком горлышке. Любое слово профессора было молекулой извне, на которую нужно было ответить встречным ударом, просто чтобы сохранить свою форму. Логика здесь была бессильна, потому что она требовала вакуума, а его не было. Была только стена из «грибных ножек», коротких, бессмысленных фраз, которые физически не могли сложиться в предложение с придаточным, как вода не может стать камнем.

— Я вас услышал, — тихо сказал Степан Генрихович.

Он развернулся и пошел к своей двери. Он не чувствовал поражения. Он чувствовал холодную, лабораторную точность. Он пытался объяснить молекуле газа, что она должна стать кристаллом. Это было пустое расходование энергии.

Закрыв за собой дверь, он прислонился к ней лбом. В квартире было тихо. Но эта тишина больше не казалась ему естественной. Она казалась временной. Просто затишьем перед тем, как кто-то снова включит перфоратор.

Ночь опустилась на Академгородок быстро, по-сибирски безжалостно, слизав последние остатки дневного тепла. В кабинете горел только настольный свет, превращая лицо Степана Генриховича в посмертную маску. Он не писал. Он сидел, глядя в одну точку на схеме, где красные точки «остатков» окончательно забили все пространство куба, не оставив места для белых структур.

Он понял устройство ада.

Если его теория верна, то мир безнадежен. Это была не социология. Это был приговор.

Если все, кто не «белый гриб», обречены быть этим шумным, агрессивным, слепым фаршем, если их базовый код — это сброс энтропии в пустоту, то человечеству конец. Белые грибы обречены на вечную осаду. Интеллигенция — это просто деликатес, который гниет в ожидании, пока его не сожрут.

Степан провел рукой по лицу. Кожа была липкой. Он чувствовал себя не демиургом, а патологоанатомом, который только что вскрыл Вселенную и обнаружил, что внутри она сгнила.

И тут мозг, спасаясь от петли отчаяния, совершил квантовый скачок. Рефлекс.

Ассоциативный ряд. Булгаков.

Шариков.

Степан Генрихович замер. Пружина внутри него, сжатая до предела, со звоном распрямилась.

Шариков. Полиграф Полиграфович. Тварь, созданная из абсолютных «остатков»: гипофиз алкоголика Клим Чугункина, пересаженный в милого пса. Преображенский, старый сноб, тоже пытался применить к нему законы упорядоченной системы. Он пытался сделать из ножек белый гриб. Он читал ему «Переписку Энгельса с Каутским», водил в цирк, требовал не плевать на пол. Он пытался натянуть на хаос фракционный фрак.

И что вышло? Вышло чудовище, которое требовало жилплощадь, документ и законных прав на размножение. Преображенский совершил ту же ошибку, что и Степан в своих дневных фантазиях. Он думал, что культуру можно вложить. Что если долго бить молотком по куску гранита, тот однажды запоеет арию Ленского.

Степан резко подался вперед, едва не опрокинув лампу. Его глаза, минуту назад потухшие, вспыхнули сухим, лихорадочным огнем.

Нет.

Творец — или Природа, или этот неизвестный инженер Вселенной — не идиот. Он не пытается сделать из грибных ножек белый гриб. Это биологически, физически, термодинамически невозможно. У ножек нет плоти для этого. У них нет вектора роста вверх. У них есть только плотность, способная вынести чужую стену.

Функция «остатков» — быть демпфером. Амортизатором.

Белые грибы... Господи, какие же они хрупкие. Эти его коллеги из НИИ, эти тонкие, нервные создания с их вечным поиском смыслов и хрупкими костями. Если их просто сложить в кучу, в одну банку, они сломаются. Они раздавят друг друга под собственным весом своих высоких идеалов. Они не умеют толкаться локтями. У них нет панциря.

А слой «остатков»? Этот шумный, наглый, пробивной планктон? Они занимают экологическую нишу. Нишу борьбы за низовые ресурсы. Они принимают удар на себя. Они первыми идут на таран, первыми орут в очереди, первыми лезут в драку, первыми заполняют собой вакуум маршрутки. Они — щит. Грязный, вонючий, несовершенный, но абсолютно необходимый щит.

Без них белые грибы не сидели бы в своей тени и не думали о вечном. Их бы просто раздавило внешнее давление. Государство. История. Голод. Любой катаклизм. «Остатки» выживают там, где «белый гриб» превращается в слизь. Они — гарантия того, что банка вообще не лопнет при падении со стола. Они — тот самый гравий в бетоне, который не дает монолиту пойти трещинами.

Мир не безнадежен. Он просто... правильно упакован.

Степан откинулся на спинку кресла и захохотал. Тихо, истерично, тряся плечами. Он смеялся над собственной глупостью. Над своим профессорским высокомерием. Он хотел, чтобы все молекулы газа стали кристаллами. Но если все станут кристаллами, банка взорвется от первого же удара.

— Степа?

Голос из прихожей разрезал его смех, как скальпель.

Клавдушка. Она не уехала в Крым, она просто выходила в круглосуточный магазин. На пороге кабинета она стояла с бумажным пакетом в одной руке и тарелкой в другой. От нее пахло ночным холодом, улицей и — Степан сглотнул — поджаренным хлебом.

— Ты чего зеленый такой? — она прошла к столу, бесцеремонно сдвинув локтем его схемы термодинамики. Поставила тарелку прямо на чертеж. — На-ка, поешь. С утра куска в горле не было.

На тарелке лежал идеальный бутерброд. Толстый ломоть бородинского, масло, а сверху — горка той самой грибной икры. Темной, маслянистой, пахнущей укропом и землей.

Степан смотрел на бутерброд, потом на Клавдушку, потом снова на икру.

— Эти твои... из банки... — она кивнула на тарелку, словно извиняясь за простоту закуски. — Они ж невкусные сами по себе. Ну что это? Крошка. Грязь. Выкинуть — рука не поднимается, а так... — она пожала плечами. — Их без белого гриба и есть никто не станет. Пресно. А вот если белый гриб порезать, да с этой икрой перемешать, да с маслицем... — она мечтательно причмокнула губами. — За уши не оттащишь.

Она потрепала его по седому ежику волос, развернулась и вышла, оставив дверь приоткрытой.

Степан Генрихович сидел неподвижно, глядя на тарелку. Он взял бутерброд. Пальцы ощутили фактуру: гладкость масла, пористость хлеба и эту сложную, неоднородную массу икры.

Он откусил.

Вкус ударил по рецепторам. Соленый, чесночный, землистый, жирный. Это была плоть. Это была жизнь в ее самом честном, нерафинированном виде.

Он смотрел на свои записи на столе. Куб. Красные точки. Белые точки.

Теперь он знал, что делать с формулой. Ее не нужно было стирать. Ее нужно было дополнить. Добавить переменную «К». Коэффициент демпфирования.

Утро не принесло облегчения. Оно принесло тишину, которая теперь казалась звенящей от напряжения, как стекло перед тем, как дать трещину. Степан Генрихович умылся ледяной водой, механически сжевал бутерброд, оставленный Клавдушкой на табуретке у двери, и пошел в кладовку.

Это было его святилище. Кладовка при кухне, где пахло укропом, лавровым листом и вечностью. Ровные ряды. Стекло, стекло, стекло. Трехлитровые баллоны, литровые банки, маленькие пузатые «майонезные» баночки для особых случаев. Все они стояли по ранжиру, как солдаты на плацу.

Он провел пальцем по пыльному стеклу. Вот они. Белые грибы. Идеальные, цельные шляпки, залитые янтарным маслом. Они плавают там, в собственном соку, не касаясь друг друга, сохраняя дистанцию. Эстетика. Аристократия.

А вот они. Банки с икрой. Темные, непрозрачные. Внутри — плотная, спрессованная масса. То, что Клавдушка вчера назвала «подружившимися частичками». Они не могли не подружиться. У них не было выбора. Банка — это социум. Объем V ограничен. Либо все дружат, либо всё взрывается.

Степан прислонился лбом к холодной полке. Холод успокаивал. В голове, очищенной от вчерашней истерики, выстраивался сухой, четкий протокол.

Не пытаться их перевоспитать. Это базовая ошибка демиурга. Нельзя объяснить молекуле газа, что она должна стать кристаллом. У нее нет кристаллической решетки. Это пустая трата энергии, которая приведет лишь к росту энтропии в его собственной системе. Он пытался объяснить это соседу. Потратил три минуты жизни впустую.

Соблюдать герметичность. Не пускать их в свое личное пространство — в свой «кабинет», в свою голову, в свою спальню. Закрытая дверь — это не высокомерие. Это закон сохранения давления. Но и не пытаться выгнать их из их «подъезда». Они имеют такое же право на свой объем, как и он на свой. Пусть их хаос остается в зоне их энтропии.

Правильная температура. Не вступать в перепалку. Не нагревать банку. Хам, агрессор, «грибная ножка» питается его гневом. Гнев — это топливо. Если отвечать криком на крик, он просто увеличивает кинетическую энергию системы, приближая взрыв. Холодное молчание или формальная, бюрократическая вежливость («Я зафиксировал ваше замечание») работают как хладагент. Они лишают «остатки» энергии для броуновского движения.

Признать их функцию. Это было самое сложное для его интеллигентской гордости. Если банка (общество) взорвется, пострадают все. Белые грибы разлетятся осколками первыми. «Остатки» — это демпфер. Это слой, который принимает удар на себя. Они занимают экологическую нишу борьбы за низовые ресурсы, чтобы белые грибы могли спокойно сидеть в своей тени и думать о вечном. Они — гравий в бетоне. Без них фундамент пойдет трещинами.

Он оторвался от полки. Мир больше не казался безнадежным. Он казался... правильно упакованным.

Степан Генрихович прошел в кабинет, взял трубку радиотелефона. Пальцы помнили номер наизусть. Гудки шли долго, пробиваясь через тысячи километров, через разницу во времени, через осенний холод Сибири к остаткам тепла в Крыму.

— Алло? — голос Анны Александровны был немного хриплым, сонным.

— Анечка. Это я. Не разбудил?

— Степушка! — в ее голосе плеснуло такой живой, теплой радостью, что у профессора на секунду перехватило горло. — Нет, я только встала, на море смотрела. Знаешь, здесь холод собачий. И воду горячую отключили, представляешь? Третий день моюсь, поливая себя из ковшика. Прямо как в студенчестве.

Она говорила это не с раздражением. Она констатировала факт с какой-то веселой, почти детской обреченностью. Она — белый гриб, который сейчас находился в неидеальных условиях, но не переставал быть белым грибом.

Степан слушал ее жалобы на ковшик и холодную воду, глядя на ровные ряды банок в дверном проеме кладовки. Солнечный луч из кухни наконец добрался до стекла, и темная, плотная масса грибной икры на мгновение вспыхнула изнутри рубиновым светом.

Он впервые за долгое время — за очень, очень долгое время — не чувствовал тоски. Не чувствовал одиночества. Не чувствовал раздражения на перфоратор соседа или смех в маршрутке.

Он чувствовал абсолютный, холодный покой.

Мир был упакован правильно. Все частички подружились. Банка не взорвалась.

Зеркало зверя

— Пришло распоряжение на испытание человека, — проговорил Бесан исполнителю воли, Отбесу.

— Необходимо будет, чтобы ты заселился в тело мужчины, который станет маньяком, и через него испытал женщину.

— Да, Бесан.

*

Наши дни. Вторая половина августа. Новосибирск.

От разборок и стрелок тянуло глухой тоской. Евгению осточертело постоянно оглядываться через плечо и ждать пули из-за чужих долгов. Хотелось тишины, хотя бы на одну ночь. Уединиться с какой-нибудь мадам там, где пахло водой, а не палёной резиной.

Его чёрный внедорожник стоял у самого устья Тулы. На берегу Оби в черте города сейчас наверняка торчали рыбаки, а ему нужна была пустота — последние месяцы расслабление давалось тяжело, и реальность вокруг начинала опасно плыть. Пригласил знакомую. Провёл с ней ночь в тёплом салоне под гул комаров над рекой. Перед самым рассветом она вдруг дёрнулась, натягивая платье, пробормотала что-то про головную боль и выскочила в холодный туман. Он даже не стал окликать. Внутри снова заворочалось густое, тёмное раздражение — непонятная, неугомонная потребность, с которой он давно разучился договариваться. Слабость была по самолюбию: здоровый мужик, машина позволяет расслабиться, а внутри бурлит такое, что самому страшно.

Утро выдалось обманчиво ласковым: солнце плавил остатки тумана, оглушительно трещали кузнечики. Мир казался безопасным до тех пор, пока зрение не расслоилось. Краски ударили по глазам кислотой, запах речной сырости сменился металлическим привкусом крови во рту. Чужая воля легла на плечи бетонной плитой. Отбес точно выбрал момент для заселения. Зрачки Евгения поплыли, становясь то непроницаемо-чёрными, то влажно-жёлтыми, звериными. В нос шибануло запахом мокрой псины и страха. Он повёл плечами, прислушиваясь к новым мышцам. Ждал добычу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.